

стигнеческие
меридианы сибири

В поход за песнями

В фольклорном кабинете Новосибирского педагогического института эти нильские дни походное настроение. Второкуриенский филологический факультет еще раз проверяют магнитофоны, уточняют маршрут предстоящей экспедиции...

На стенах фотографии прошлых лет. Сотни километров прошли и проехали студенты по своей области. А сколько материалов привезено в институт — собрано около 50 тысяч песен, сказаний, преданий, легенд!

Первая большая экспедиция состоялась в 1970 году. Тогда вместе с будущими педагогами и этнографами в нее участвовали народный артист СССР композитор А. Новиков, выдающийся художественный руководитель Кубанского казачьего хора, заслуженный деятель искусств РСФСР В. Закарченко, искусствовед, старший научный сотрудник Новосибирской картинной галереи В. Капишада. Гидыательно обрабатывали студенты собранные материалы под руководством руководителя кандидата филологических наук, доцента М. Мельникова. В селах будущим педагогам посчастливилось записать песни, сказки, чащушки, отразившие историю Сибири.

И вот уже в четырнадцатый раз выезжают студенты в экспедицию. Около ста второкуриенников примут в нее участие.

Михаил Никифорович всю жизнь посвятил изучению устного народного творче-

ства, имеет много научных работ, выпустил книгу Мельникова «Создатель фольклорного крушка».

Чем вы руководствуетесь, выбирая маршрут? — задал ему вопрос.

Чаще всего мы знаем от студентов-зачинщиков, что в том или ином селе есть старожилы, хорошо знающие старинные песни, чащушки, сказания. Бывает, такие встречи происходят после длительных поисков.

В селе Егорово Болотинского района студенты встретились с исполнительницей Натальей Романовой Бедовеной, ей уже около 80. Наталья Романовна напела на магнитофон 160 песен, сказаний с трудом землемельца.

Когда пришла пора уезжать студенты на прощание подготовили концерт. В первом отделении выступили старожилы Егорова. Они пели, танцевали без устали — куда девались годы! А затем на сцену местного клуба вышли студенты. Девушки пели песни, водили хороводы — всему этому их научили гостеприимные холода. Во время поездки студенты находят время, чтобы выступить перед сельскими жителями с песнями, приглашая их к участию в воскресниках. Занятия в кружке и экспедиции научили будущих педагогов любить свой край, бережнее относиться к его обычаям, культуре.

А. НЕСТЕРЕНКО.
НОВОСИБИРСК.

Навеки в памяти

— Навсегда останутся в памяти народа...

Невольно произносишь эти слова, когда знакомишься с музей, созданным при рыбопромышленном техникуме в небольшом поселке Рыбное, что недалеко от города Димитрова. Музей называет «Страна, обрачная путь» — по названию сборника произведений поэтов и писателей, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

В двух небольших комнатах работают создан способом памятник, посвященный Аркадию Гайдару, Мусе Джалилю, Юрию Крылову и другим мастерам труда. Немало интересных материалов собрано с молодых поэтов предвоенных лет — Павле Когане, Николае Майорове, Михаиле Кульчицком и других талантливых ребят, творчество которых пришло на годы, последовавшие за смертью поэтов — поэтом Д. С. Мамиловым — скончавшимся, родившимся.

Видиму и фантазии вложили в экспозицию учащиеся во главе с педагогом Н. Черновой. Здесь можно увидеть, например, часть корабля, в километре которого материалы об Алексее Лебедеве. Экспозиция начинается с помощью штурвалов. Материалы о Н. Майорове размещены в громадной «книге» с рисунками к его стихам, сделанными самими ребятами, и фотографиями про жизни Н. Майорова, как и большинство молодых поэтов тех лет, не успел издать ни одной книги. Годом антракта с оружием, найденным в местах, где воевал и погиб поэт.

Судьбе 14-летней девочки Марии Рольяниной, попавшей в гитлеровский концлагерь, посвящена книга «Я должна рас-

сказать», которую М. Рольяниной, впоследствии ставшая писательницей, подарил музею. Это издание помещено на фоне головы кирхииной стены, обнесенной колючей проволокой, символ которой как смысла жизни прибывает земель ростов.

Совет музея регулярно организует поисковые группы, которые направляются по местам, где жили и где воевали молодые поэты. Учащиеся встречаются с бывшими бригадами, дружинами и ярмарками, рассказывают о погибших.

«Звонкая скла поэзии» — так называется статья И. Денисовой о творчестве Е. В. Майоровского. 90-летие со дня рождения которого отмечается в этом месяце. В номере помещены размышления о книге Н. Яковлева «ЦРУ против СССР».

В МИРЕ КНИГ

80-летию II съезда РСДРП посвящены статьи «Партия нового типа» и «Издание в Женеве». О выпуске литературы, призванной оказать помощь труженникам села в реализации Продовольственной программы СССР, рассказывают сотрудники издательства «Экономика», «Московский рабочий», «Урожай». Опубликована подборка выступлений рабочников Генеральной дирекции македонародных книжных выставок и ярмарок, рассказывающих о подготовке к ММКВВ-83.

«Звонкая скла поэзии» — так называется статья И. Денисовой о творчестве Е. В. Майоровского. 90-летие со дня рождения которого отмечается в этом месяце. В номере помещены размышления о книге Н. Яковлева «ЦРУ против СССР».

«ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИОВЕЩАНИЕ»

О «Симбирской трилогии» — первых трех фильмах многосерийного телевизионного цикла «В. И. Ленин. Страницы биографии» рассказывает статья «Выбор Ульяновых». Публикуются материалы к 90-летию со дня рождения Е. В. Майоровского, беседа с коллективом ГАБТ Александром Веденниковым.

О политическом обозревателе Александре Каверине вспоминают его друзья и коллеги.

«СОВЕТСКИЙ ЭКРАН»

Ряд материалов номера посвящен XIII Международному кинофестивалю в Москве. Рецензируются фильмы: «Кардиналы, 45 в тени», «Не хочу быть взрослым», «Перекресток» по инструкции 107, «Синий перед лицом» и другие. В номере дана статья о работе кинограда, композитора И. Шварца. 80-летию со дня рождения Н. Черкасова посвящена статья С. Аleshina «Творя как живи».

М. АЛЕШИНА.

Л. ГУРЧЕНКО.

М. АЛЕШИНА.

</

ТРИНАДЦАТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВЛЬ

БОЛЬШИЕ ИДЕИ, СМЕЛЫЕ МЫСЛИ

У него сейчас набитый гул и голос. Он слышит пульс планеты, борется, предупреждает. «Не спрашивай, по ком звонят колокола — он звонит и по тебе...» Выывает и разум, и сердце, к счастью члена человечества. И сам он, как было никогда сказано, — счастье киноискусства — это простой, непримиримый, исконный вибрации жизни, документ эпохи, хроника века — как только его не называют! Да, воистину счастье. А сегодня, как никогда раньше.

И сегодня, как никогда раньше, счастье не может, она должна молчать. Она стучится во все души, во все двери, апеллируя к разуму, к знанию, к опыту человечества. К историческому знанию и глобальному опыту поколений, к рекам пролитой народами крови, к бессмертным творениям народного духа и гения. Смотрите, что наделил войной на нашей планете с незапамятных времен и до наших дней! — напоминает она надрами киноцентра ООН «В умах людей». Если бы люди земли отказались от пушек и снарядов, от бомб и ракет, как прекрасен стал бы мир — исконного густыни ульбки публицистического мультиплекса чехословаких кинематографистов донесет проблеск надежды. Сней в одном строю идет же революционная «Орбита голубей», портняжинский, западногерманский, советский фильмы о мириадах мира...

Нет, счастье киноискусства не обходит главенство вопросов жизни. Она пытается заглянуть туда — за горизонт надежд, к тому, что может случиться потом, когда уже вновь ничего не будет. Отсюда кошмарные, неправдоподобные видения — призрачные темы этого «потом». Но здесь документ не обходится без рисованных кадров, жутковатых эпизодов, разыгранных вкраплениями и сопоставлениями с документом. Да, и такое, как появляются короткометражные эпизоды Московского фестиваля, передко становятся нужными, чтобы как можно ярче, доходчивее, эмоциональнее раскрыть суть происходящего, передать тревожную мысль, а для этого хороши все кинематографические средства. И зритель видит: и кадре космонавты, которым уже не сойти с винеемской орбиты, им нечуда возвращаются,

и, потому что Земли нет, она скользит в атомном пламени... А вот странный, ошеломленный увиденным кинопланетарий — он бродит на скорбных руинах земной цивилизации...

Репортаж сегодняшних

преступлений американской военщины, превратившей некоторые районы Индонезии в зону химической смерти. Цепкие лесные массивы, исходящие цветущие поля и сады перестали существовать, выжженые, обезлюдины под варварским воздействием деформизантов, гербицидов, диксины. «Эзионг — стратегия войны» — так назывался американский фильм, сделанный некоторыми кинематографистами, а учеными. Как высокоморальная, музанская и гуманистическая кинематографическая акция доктора А. Вестинга и его сподвижника — доктора Е. Пфайфера — это они взяли на себя ответственность обнародовать с экрана правду о чудовищных «экспериментах» американских протагонистов химической гибели человечества!

Суровые факты, непреложные свидетельства выявляют драматическую канву их острообъективного матрица без актальных авторских ассоциаций, монтажных и словесных ухищрений. Стоит лишь увидеть, скажем, такой фильм, как «Почему», созданный Моникой Маурер и Абдерахманом Ессисом — лауреатом кинематографической организации Красного Полумесяца. Достаточно посмотреть волнующую ленту Барри Фейнберга «Солице извьест» (Африканский национальный конгресс) и работу К.-Х. Вальдоха «Бесшумная смерть» (ФРГ). Тут не может быть двух мнений — кинопублицисты взяли на себя обязанность оповестить мир, человечество о том, какие человеческие националистические коллизии и потрясения несут империализм, расизм, геноцид.

Взять на себя — значит стать пристальным делу борьбы за честь и достоинство человека за мир и жизнь на земле. Это одна ли не самое главное, основополагающее в работе и борьбе современного кинематографа — раскрытие сущности происходящего, передать тревожную мысль, а для этого хороши все кинематографические средства. И зритель видит: и кадре космонавты, которым уже не сойти с винеемской орбиты, им нечуда возвращаются,

и фильм, который «Америка от Гитлера до ракет «МХ», несомненно, крупное явление доминантного языка экрана. И по теме, и по мысли, и по объему. Вообще, скажу я, время больших публицистических лент не только это ушло в прошлое, как это считают некоторые, а напротив, заявляет о себе с неизбываемой силой, полньючи нарастающим, зрительским спросом и интересом. Об этом говорит не только наш фестивальный экран, а вся практика современного центрального кинематографа. Более того, в лучшем будущем всех людей на земле. Собственно, этим пафосом отмечена большая и смелая работа американки Джоан Хар-

ви, о фильме которой «Америка от Гитлера до ракет «МХ» уже много сказано и написано. И все же хочу обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Харви не просто высматривает своих собеседников и оппонентов — она наблюдает за ними, проницая характерные черточки личностного, так сказать, отношения людь и проблемы, в фактуре, к поиску истины. Поэтому участники фильма — а их очень много — запоминают столько мелких — маленьких по мысли и художественному диалогу, формально документальных и минимум публицистических работ, они могли бы быть, и не было — никому от этого не стало — никакого, ни жарко...

Напряженность в противоречии современной действительности, угроза ядерной катастрофы закономерно увеличивают тягу к прогностам на будущее. «Перспективы» и «трайанды», катастрофический рост безработицы и числа голодающих на планете, истощение сырьевых ресурсов и загрязнение окружающей среды, массовая псевдокультура, наркомания и преступность, охватившие западный мир в необычных масштабах и проявлениях — все это не может остановить вспышки публицистического экрана. И он все больше и больше становится экраном тревоги... И Пепел Хироши счищает то, что все, кто за мир, сегодня здесь? Вы видите, все люди были за мир, то есть Америка говорила, что она хочет мира, но люди, говорящие о мире, воспринимают мир как спасение от опасности, так как страна хотела получить прибыль от войны...

«Америка от Гитлера до ракет «МХ», несомненно, крупное явление доминантного языка экрана, и по теме, и по мысли, и по объему. Вообще, скажу я, время больших публицистических лент не только это ушло в прошлое, как это считают некоторые, а напротив, заявляет о себе с неизбываемой силой, полньючи нарастающим, зрительским спросом и интересом. Об этом говорит не только наш фестивальный экран, а вся практика современного центрального кинематографа. Большие идеи, глубокие мысли, широкие и смелые раздумья требуют подчас масштабных, крупных работ — поэтому

Ф. Конопала, режиссера Георгия Редико, виртуозного оператора Рона Фрика. Картина, имеющая воспоминания о кримефильме «Безумный мир», — только сумашедшая мысль Запада восемидесятых годов XX столетия, но это крат безумнее, чем у Креймера. Так что же, спрошу мы, неужто чуть иной приоритет научно-технического фильма нам так недостает? подобных «Обнаженному фашизму»? «Пылающему континенту»? Пылающих фильмов «Чужого горя не бывает»? И «Всегда и верно». Недостает личностей, подобных Роммы, Кармен, Симонову... И в то же время экран заполняют столько мелких — маленьких по мысли и художественному диалогу, формально документальных и минимум публицистических работ, они могли бы быть, и не было — никому от этого не стало — никакого, ни жарко...

Да, воплощающие «технологическое», «электронно-ядерного» века на Западе встает с экрана с необыкновенной жизненной и художественной убедительностью, с кинематографической изобретательностью и выразительностью. Полное отсутствие каких-либо комментариев и вообще закадровых слов, внутридраматическое движение, пластичность музыкальных характеристик, калейдоскоп замедленных и ускоренных съемок, эффектная смена монтажных ритмов и многое, многое другое, наилучшим образом выражают генеральную идею этого незадурядного произведения: наих высот, даже чудеса культуры техники и производства на обширных рубежах современной западной цивилизации как бессысманская, как бездуховная, сама жизнь людей буржуазного общества, породивших и обуславливавших эту культуру. Нельзя не вспомнить здесь слова, прозвучавшие на иностранных Пленуме ЦК КПСС, о том, что империализм неспособен спасти ся с социальными последствиями небытия любой по-глубине и масштабам научно-технической революции.

Во всемирных жизненных фактах, на грани событий, лихорадящих планету, политический, публицистический экран мира держит руку на ее пульсе. Он берется, засовывает, предупреждает: «Не спрашивай, по ком звонят колоколы!» С тревогой всматривается в будущее человечества. Со всех сторон осматривает, осмотреться, взвесить. И вновь спросить себя, людей, время: кто мы и что мы, куда идем, для чего и в чем живем? На этом пути рождается американская «Суматохная жизнь» — блестящая и яркая документальная кинопиановка продюсера

«Любовь» была о современности. Но мы знаем, Людмила, как остальные ваши работы объединены понятием «исторических фильмов».

— Исторический фильм для меня — это не экскурсия в прошлое для любознательных, не только возможность рассказать о том, что народ должен знать свою историю. В фильмах «Дополнение к закону об охране государства» и «Ипполиты» я обращалась к истории, чтобы помочь членам парламента лучше понять ее значение для общества.

— Но и что же, среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от него перевешивает большую, полнометражную ленту. Как, скажем, японская «Линька» старушки, наивные куклы рассказали нам забавную историю.

— Ну и что же, что среди них много мультилипов. Десятиминутный мультик — это целый мир. Порой впечатление от

ЛЕСНАЯ. 55. Трехэтажный красного кирпича дом. На фасаде висит: «Отовсюда торговля кавказскими фруктами Каландадзе». Рядом медная пластина с надписью: «Музей — Подпольная типография ЦК РСДРП 1905—1908 гг.». Многим москвичам, гостям столицы хорошо известен дом на Лесной. И все жеձаивает еще раз посетим лавку приизначника, а на самом деле профессионального революционера С. Кобида, чтобы ощутить дыхание далекой революционной поры, уединиться скромно, скромно и опасна была работа большевиков в подполье, восхищаться мужеством этих людей, их верой в торжество своего дела.

По деревянным ступенькам ступеням кругой лестницы спускаемся в подвал. Здесь ходили и сырь, единственным фоном тускло освещает корзины с сухими фруктами, сырьем, мешки с рисом. Слеза от входа, блоки к стене — квадратные отверстия сквозного колодца. Этот-то колодец в свое время и навел подпольщикам на мысль использовать его для устроства здесь тайной типографии. В метре от воды прорыты лаз, с другой стороны выкопаны подобные землины, укреплены стены, чтобы не осипались, и потолок — от обвалился. По частям внесли сюда «ламериканку» — типографскую машину. В специальной нише разместили наборные массы...

Сейчас здесь, в подвале, все так же, как было и в далеком 1905-м. Только, может быть, чуть посущи. И типография с подвалом соединена окном — это для экскурсантов не будет же каждый ползти через лаз, чтобы попасть туда. А интересно было бы попробовать! Хотя и без этого нетрудно представить себе сколь тяжела была работа печатников. Вентиляции никакой. Со стороны колодца на лаз герметически закрывался, чтобы при обыске не обнаружили типографию. И вот через два-три часа работы кислород в келье кончался: гасли свечи, пытаясь было пачеч, и оба подпольщика еще новые выбиралась наверх. Их места после короткой паузы на печатной машине занимали другие.

О том, что позналось в водопойной типографии на Лесной, рассказывает в этом оторванном зале музей.

Вместе с выкусоводом В. В. Аникиным и ребятами из профтехучилища строителей рассматриваем поклоняющиеся от времени номера газеты «Рабочий», первый номер газеты «Партийные известия», четвертый номер газеты «Московский листок», листочки и прокламации.

Вадим Вадимович подходит к типографской машине (пока там же установлена в подвале), заливает полонью лист. Затем с силой нажимает на то, что приводное колесо. И вот оно началось, пошло, становясь, побежали волнико. Перед нами отстык овластительных листовки Московского комитета РСДРП из призыва к всеобщей забастовке... «В этот великий миг каждый, кто не обратился в бесчувственный камень, каждый, в груди у которого бьется пролетарское сердце, должен встать на борьбу. Кто с нами, тот против нас, кто сидит теперь слова руки — тот изменяет рабочему делу». Невозможно без волнения чи-

ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ДОМ НА ЛЕСНОЙ

тать эти строки, довесившие до нас огненное дыхание революционной Москвы.

Этот оттиск мы сняли с машины только после того, как Вадим Вадимович четырь раза повернулся вокруг ее рукоятки тяжелого машина. Стало считать, чтобы отпечатать тираж газеты в десять тысяч экземпляров (а «Рабочий» печатался на 8—12 листах), нужно было повернуть это колесо более четырехсот тысяч раз! В условиях подземелья такой труд кажется невероятным. Однако за все время работы типографии никто из печатников не произнес ни одного слова недовольства. Невольно вспоминается восклицание Владимира Ильинича Ленина: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!». Такими революционерами и были люди, работавшие здесь, в доме на Лесной.

Вместе с выкусоводом В. В. Аникиным и ребятами из профтехучилища строителей рассматриваем поклоняющиеся от времени номера газеты «Рабочий», первый номер газеты «Партийные известия», четвертый номер газеты «Московский листок», листочки и прокламации.

Вадим Вадимович подходит к типографской машине (пока там же установлена в подвале), заливает полонью лист. Затем с силой нажимает на то, что приводное колесо. И вот оно началось, пошло, становясь, побежали волнико. Перед нами отстык овластительных листовки Московского комитета РСДРП из призыва к всеобщей забастовке... «В этот великий миг каждый, кто не обратился в бесчувственный камень, каждый, в груди у которого бьется пролетарское сердце, должен встать на борьбу. Кто с нами, тот против нас, кто сидит теперь слова руки — тот изменяет рабочему делу». Невозможно без волнения чи-

тать эти строки, довесившие до нас огненное дыхание революционной Москвы.

Этот оттиск мы сняли с машины только после того, как Вадим Вадимович четырь раза повернулся вокруг ее рукоятки тяжелого машина. Стало считать, чтобы отпечатать тираж газеты в десять тысяч экземпляров (а «Рабочий» печатался на 8—12 листах), нужно было повернуть это колесо более четырехсот тысяч раз! В условиях подземелья такой труд кажется невероятным. Однако за все время работы типографии никто из печатников не произнес ни одного слова недовольства. Невольно вспоминается восклицание Владимира Ильинича Ленина: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!». Такими революционерами и были люди, работавшие здесь, в доме на Лесной.

Прежде всего это Леонид Борисович Красин. Именно после III съезда РСДРП было поручено дело по организации подпольной типографии в Центральном промышленном районе России. Практическим устройством типографии по заданию Красина занимался Трифон Теймуразович Енукидзе — член партии большевиков с 1899 года. Большевик, человек решительный, смелый, обладающий немалым опытом подпольной работы. Виргиний Леонович Шандор — партийный кличка Марат — редактировал печатавшуюся здесь газету «Женщинам-большевикам» на Иваново-Вознесенской. Мария Ильинична и Елена Денисова изображены слушающими при хождении машины. Каландадзе.

М. Каландадзе — купец из Грузии, в прошлом портовый грузчик, человек сочувственно-патристический, согласился оказать нам помощь в таком необычном и рискованном деле. Его имя и сняты на помещение в доме купца Колумбии и прокламации.

М. Каландадзе — купец из Грузии, в прошлом портовый грузчик, человек сочувственно-патристический, согласился оказать нам помощь в таком необычном и рискованном деле. Его имя и сняты на помещение в доме купца Колумбии и прокламации.

В четырех залах музея развернута единственный в стране экспозиция, посвященная истории партийной и рабочей печати с момента ее возникновения до наших дней. Переход из зала в зал, знакомясь с экспонатами, посетители узнают о той роли, которую играла печать на всех этапах революционной борьбы, в годы первых пятилеток. Великий Отечественный война и сейчас, на этапе развития социализма.

Л. Лещенко. В театре, как правило, публика стояла на сцене, а зритель на подиуме. Актёры, когда загораживают огни раммы, как они воспринимают зрителей: как очищиков, сдвигателей возможностей, или как взаимодействия аудитории и артиста?

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это? Во всяком случае я не могу согласиться с подобной точкой зрения. Да, зритель знает жизнь. Но ведь актёры театра и драматургия имеют свою особенность. Без их понимания зачастую оказывается невозможным правильное восприятие спектакля.

Иначе говоря, театр и аудитория, на мой взгляд, как два собеседника, которые собираются вместе и разговаривают о том, что представляется интересом театра, взаимно влияя друг на друга.

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права. Но так ли это?

В. Ильинична. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

Л. Лещенко. Да, конечно, это не всегда так. Но и тогда, когда зрителю не может помочь, он может помочь ему.

А. Демидова. Однако почему только актеры, должны быть очищены, разгораживаются от зрителя? Считается, что она всегда права

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА РУБЕЖОМ

Только ли
домашний экран?

ЗАМЕТКИ С ТЕЛЕВИЗИОННОГО ФЕСТИВАЛЯ

Два старых человека, муж и жена, колесят по дорогам Японии. Разъезжают в своем автофургончике не первый год и, похоже, не собираются останавливаться. Что гонит их с места на место, заставляя приправливаться к кочевью, особенно трудному для таекобобальной женщины? Бедность? Нет. Обида на близких, захваченных избитья от стариков? Тоже нет — судя по всему, дети к ним почтительны. Может быть, страсть к путешествиям, которая смогла осуществиться лишь теперь, когда глава семьи ушел на пенсии? И на этот вопрос фильм отвечает отрицательно.

Изделие независимости — вот что двиняют героями в прямом и переносном смысле. Жизнь воли — вот что угадывается за всеми поступками сухого, резкого, отнюне благостного человека. Путь из старости лет, во он распорядился своей жизнью так, как захотела его душа. Смог убежать от рутины, от стереотипов существования, наложенных ему извне. Ради этого стоило постичься удобствами, впасть на определенный риск. Ради того, чтобы поехать, куда хотела, по видать тех, кому хочется, — хотя бы поближе. И это было интересовано героями, и ему пришлося всячески скрываться. Многозначительные, но немногозначительные паузы, многозначительные разрывы, многозначительные, усложненные монтажи свидетельствовали лишь о мере его собственных мучений, не более. Оказалось, в который раз оказалось, что самые добрые намерения, подкрепленные художественностью замысла, так и остались намерениями. Их отдаленность от искусства выступает тем разве, чем претендующие приемы изложения. Простота не стала открытою залпом о своих пророках, хотя тоже до определенного времени. Изначально настроив нас в свою пользу, правдоподобие превратилось в мистерию. Ради чего, чтобы подобрать на дороге безлюдного мальчишку и без лишних слов устроить его судьбу.

И даже когда женщина умирает, муж ее остается верен себе. Он снова в дороге и снова отсчитывает версты его видавших виды фургон.

«Пригородный столб» получил высшую награду фестиваля «Златой Прага» по категории драматических программ, и выбор жюри был объясним и оправдан. В японском фильме соединилось многое из того, что отличало международную телевизионную программу в целом. Наши выражения не селись, чтобы подобрать на дороге безлюдного мальчишку и без лишних слов устроить его судьбу.

Необходимо подчеркнуть, что есть идет о данной конкретной программе: никак не о большем. Не говоря о том, что на «Златой Праге» были представлены лишь фильмы музыкальные и драматические — выбор их предопределен прекрасным ладом фестиваля. «Телевизионный экран служит делу понятия и взаимопонимания между народами».

Что же было характерно для фестиваля и обращало на себя внимание в первую очередь? Явное тяготение к семейной теме: искусство, рассчитанное на восприятие в семейном кругу, непосредственно к этому кругу и обращалось. Что случится, если... Если дети забудут свой долг перед родителями... Если родители будут называть свою воду летом... Если муж и жена станут чужими друг другу... Если ребенок окажется помехой порою счастью матери, если... Мы называли темы финской, английской, болгарской, югославской картин, но могли бы присвоекинуть и им неизвестные аналогичные названия.

Заминут в тех же рамках — так тоже можно сказать, замечая, что, тревожно не заметить, что частный случай при всей заманчивости и внешней выгоде подобного выбора может быстро испечь себя. Не дать фильму дыхания для длительного бега, коль скоро будет виден только как частный и рассказанный поверхность. Причинительно так, например, как в польской картине «Фантазия в мажоре».

Аннотации, предисловия, вкладышки на каждой фестивальной ленте, иногда пародийскими обертинались против нее. Но отого, что были неточны, произвольны, но оттого, что заключались в себе едва ли не все, что можно было сказать о фильме не то, а после его просмотра. Фабула польской картины испарялась

ее содержание и даже больше того — ее нравственный итог. При всем желании трудно что-либо прибавить к тем несколько странам, которые сообщают, что перед ними пройдет «история старого человека, в течение которого времени ухаживавшего за большой женой и после ее смерти почтительно заботившего себя одиноко, заброшенным». Однако жизнь снаряжалась для него смыслом, когда он узнал, что ребенок квартанитов нуждается в его заботе».

Такого рода сюжеты как правило предполагают наличие психологических мотивировок. Их точность, их подобность, их узнаваемость. Нечто такое, что хотя бы напомнило бы терпеливую прелестность и покорность музыки, на холодную отчужденность жизни. Увы, режиссер не заинтересовался героями, и ему пришлося всячески скрываться. Многозначительные, но немногозначительные паузы, многозначительные разрывы, многозначительные, усложненные монтажи свидетельствовали лишь о мере его собственных мучений, не более.

Оказалось, в который раз

оказалось, что самые добрые намерения, подкрепленные художественностью замысла, так и остались намерениями. Их отдаленность от искусства выступает тем разве, чем претендующие приемы изложения. Простота не стала открытою залпом о своих пророках, хотя тоже до определенного времени. Изначально настроив нас в свою пользу, правдоподобие превратилось в мистерию. Ради чего, чтобы подобрать на дороге безлюдного мальчишку и без лишних слов устроить его судьбу.

Повторяю — мы говорим лишь о данной программе, однако на фестивале было показано немало фильмов, что позволяет высказать общие соображения. Мы неизменно спрашиваем себя: берется ли слишком в спальне: энергичная женщина всецело занята предстоящим ей делом днем. С мужчиной она не разговаривает, обменивается незначительными фразами, потому что его безразлична она просто-на-просто не замечает. И только по одной реалии можно предположить обратное. Вытинающая на кровати, закрытые глаза, она монотонно повторяет: «Я счастлива, я счастлива, я счастлива...»

В конце фильма та же женщина, с той же интонацией повторяет Д. Луков: «Но теперь я искренне счастлив».

Смотря западногерманскую новозеландскую, английскую, шведскую картины, трудно было избавиться от мысли, что если мы уйдем из зала на минуту-другую и даже на десяток минут, то не потеряем урона. Фильмы словно не настаивают на том, чтобы их смотрели внимательно, не отрываясь — они готовы довольствоваться легким проглядыванием. Не оттого ли, кстати, они сразу знакомят не только с условиями задачи, но открывают ход решения и ответ?

Все делается во имя зрителя, во имя его удобства, но изначальная облегченность художественного замысла защищает его целиком. Он понимает это с уисом, с отчаянием, но тем не менее пусть все идет, как идет. Как знакомить не только с условиями задачи, но открывать ход решения и ответ?

Выборочный опрос зрителей показал, что все они читают пребывание у телевизора как отдых: одно для подавляющего большинства отдыши от поиска, а не отчаяния, и за то, что проблема выбора — одна из важнейших проблем нашего века — поставлена в ней бескомпромиссно.

Нынешний «Златой Прага» — дважды яблоня, обильная. Немало наших картин, в том числе «Был месец май», «Арени», «Фантазия», «Старший сын», «Апотека», «Пастухи Тунеци» — всех не называть — стали за это время претендентами на фестиваль. Теперь и нам присоединились «Белый шампань» и «Марийский, 5-я симфония Чайковского».

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
спец. корр.,
«Советской культуры»,
ПРАГА — МОСКВА.

Фото предоставлено ТАСС.

©

на сценах мира
И добрую память о себе...

Кружасшие пары неслышно вспыхивают на сцену. Звучит музыка Штрауса. Все пронеслось на сцене Стамбульского культурного центра имени К. Ататюрка. Вспыхивают так естественно, органично, что вряд ли кто думает о стоящих за успехом «Голубого Дуная» музиках напряженного труда, выложенных на долю советского балетмейстера из Литвы Витяза Гринцикаса.

Приехав в Стамбул в 1981 году и приступив к репетициям с балетной труппой Стамбульского театра оперы и балета, В. Гринцикса с первых же дней столкнулся с двумя трудностями: недостаточно высоким техническим уровнем балетной труппы и почти полным отсутствием кордебалета. «Я с удовольствием вспомнил ту отзывчивость и желание работать, с которым относились к нам Е. Григорьев и В. Гринцикса, — говорит В. Гринцикса. — Мне помогали талантливые ту-

режики балерины Эмель Алпер, Алев Кутай, молодой артист балета Октай Керестеджи и многие другие».

Весна 1982 года, Стамбул, Культурный центр имени К. Ататюрка. Сотни людей спешат на премьеру балета «Голубой Дунай» Иогана Штрауса в постановке В. Гринцикаса. В тот памятный вечер премьера заслуженной наградой Балетмейстера были аплодисменты любителей балета Стамбула: цветы, цветы, в которых утопала вся сцена.

«Голубой Дунай» в исполнении артистов Стамбульского театра оперы и балета еще продолжал с успехом идти на сцене Культурного центра, в Витяза Гринцикаса уже приступил к работе над новой постановкой — балетом на музыку Э. Григорьева «Пер Гюнт». Нечасто выносится на суд зрителей этот трехактный балет — философские размышления по-

мощникам Ибсена, требующий вдумчивой, точной режиссуры и исполнительского мастерства солистов. Блестящие выразительные замыслы балетмейстера исполнитель главной партии Пер Гюнта Октай Керестеджи. Турецкая «крышка» особо удачным признает полный символизм и зреяло драматическое мастерство второй акта балета. Столичные ценители балета также с восторгом отмечают оригинальные костюмы, выполненные под руководством Аллы Гринцикса — жены единомышленника Витяза. Более всего же в успехе обеих постановок есть большая доля и ее труда.

И вот настало время расставаться со Стамбулом. Незаметно прошли почти два года, отданых плодотворной работе на балетной труппе. Высокую оценку достоинству балетной труппы дал глава турецкого государства президент Кемал Эрзен, присутствовавший на по-

две поставленных балета, ко-

С телепередачей
«Советской культуры»
и ТАСС

торые еще долгое время будут радовать турецких зрителей.

А. ШЮРДАЛОВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры»,
СТАМБУЛ.

© Сцена из балета «Пер Гюнт».

ИСКУССТВО в борьбе за мир

ДЕВИЗ, КОТОРЫЙ ОБЪЕДИНЯЕТ

В этот день на одном из железнодорожных вокзалов Вены — Вестбаххоф — собралось необычно много народа. Пинские пассажиры и представители прессы привнесли своеобразный состав, на двух вагонах которого по всей длине было написано: «Адвокаты искусств — за мир», «Предотвратите ядерную катастрофу». Среди отъезжающих легко можно было узнать таких широко известных в Австрии писателей — поэты, композиторы, музыканты, актеры, писатели, художники — звезд «Линцкого воззвания».

Комитет обратился с призывом к молодежи, к людям различных политических взглядов и убеждений активизировать борьбу за мир, против угроз ядерной катастрофы. В его обращении к наследию Австрии указывается, в частности, на опасный характер решения пылающей американской администрации приступить к производству компонентов для ядерной бомбы, а также к «подрыву ядерного монумента».

Это воззвание было принято в декабре прошлого года на первой областной конференции борцов за мир, которая состоялась в городе Линце.

В нем подчеркивается настоятельное требование в адрес федерального правительства Австрии

выступить против размещения в ряде стран Западной Европы новых американских ядерных ракет средней дальности. Одна из важнейших задач турне — сбор подписей под «Линцким воззванием».

В качестве практического вклада в расширение кампании против безудержной гонки вооружений предпринимается попытка привлечь к ней широкие массы населения Австрии. В частности, за мир необходимо разместить новые ракеты. Ведь их устанавливают для того, чтобы затянуть на них на конюх. И здесь уже очевиден упротивленный упротивленному, а об угрозе уничтожения всего живого в нашей планете. Все пассажиры «Поезда мира» едины в главном: «Линцкое воззвание» мобилизует людей на активные выступления в защиту мира, и поэтому его неизменно величественно звучит.

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира. Одновременно проводится сбор подписей под «Линцким воззванием».

Первым остановка в Граце. И сразу же концерт. Звучат песни, проникнутые тревогой за судьбы мира.

